

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342.98

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ [1]

© 2013 г. И.С. Чалых

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

National Research University
Belgorod State University
85, Pobedy str.,
Belgorod, 308015

В статье проанализированы законодательные и правоприменительные подходы к определению конституционно-правовой ответственности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, определена их специфика и направления оптимизации. Особое внимание уделено таким основаниям привлечения к конституционно-правовой ответственности, как выражения недоверия высшему должностному лицу со стороны регионального парламента и утрата доверия Президента Российской Федерации.

Ключевые слова: *высшее должностное лицо, субъект Российской Федерации, конституционно-правовая ответственность, основания, законодательство.*

The article analyzes legislative and enforcement approaches to the definition of constitutional liability of a senior official in the constituent territory of the Russian Federation and determines the special features of these approaches and direction of optimization. Special attention is paid to such grounds for constitutional liability as expressing no-confidence to a senior official by regional parliament and the loss of the President's confidence.

Keywords: *senior official, constituent territory of the Russian Federation, constitutional and legal liability, grounds, legislation.*

Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации играет одну из ведущих ролей в механизме государственной власти. Это обусловлено его особым правовым статусом, под которым понимается предусмотренное законодательством правовое положение, определяющее место высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в системе органов государственной власти, его функции, полномочия и ответственность. От эффективности работы высшего должностного лица субъекта Российской Федерации во многом зависит уровень благосостояния людей, проживающих на территории соответствующего субъекта Федерации. Поэтому проблемы осуществления правового статуса высшего должностного лица в России, особенно в части реализации его ответственности, приобретают определенную значимость и актуальность.

Так, согласно ч. 4.2 ст. 18 Федерального закона Российской Федерации «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [2] (далее – закон о региональной власти) на высшее должностное лицо субъекта Федерации распространяются ограничения, установленные для членов Правительства России, если иное не установлено федеральным законом. Эта норма ориентирует на основания, формы и способы привлечения высшего должностного лица к юридической ответственности. Между тем, как представляется, именно конституционно-правовая ответственность выступает необходимым ограничением компетенции высшего должностного лица, что определяет ее особое место в конституционно-правовом статусе последнего.

Как отмечает С.С. Федюнин, защита и обеспечение конституционно-правовых норм являются важнейшей задачей, неотъемлемым условием укрепления и развития демократии, а инструментом достижения этой задачи служит конституционная ответственность, так как она содержит санкции, обеспечивающие соблюдение названных норм [3, с. 43]. При этом в вопросе нормативного регулирования института конституционной ответственности в отечественном законодательстве все исследователи единодушно сходятся во мнении о его несоответствии современным условиям развития государства и общества [4, с. 20; 5, с. 12]. Подтверждением тому служит и отсутствие в действующем законодательстве термина, обозначающего указанный правовой институт, причем даже Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях применяет термин «конституционно-правовая ответственность» [6]. В данной связи определяющим в статье будет выступать именно это понятие, апробированное на практике.

Следует отметить, что, несмотря на отсутствие прямых конституционных норм, институт конституционно-правовой ответственности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации нашел свое развитие в федеральных конституционных законах и федеральных законах. В рамках первой группы указанных актов следует назвать: Федеральный конституционный закон Российской Федерации «О Правительстве Российской Федерации» [7], согласно ст. 44 которого Правительство России вносит предложения Президенту Российской Федерации о приостановлении действия актов исполнительных органов государственной власти субъектов Федерации в случае их противоречия российской Конституции, федеральным конституционным законам, федеральным законам, международным обязательствам Российской Федерации или нарушения прав и свобод человека и гражданина; Федеральный конституционный закон Российской Федерации «О Конституционном Суде Российской Федерации» [8], согласно ст. 3 которого этот судебный орган «разрешает дела о соответствии Конституции Российской Федерации... конституций республик, уставов, а также законов и иных нормативных актов субъектов Российской Федерации...»; Федеральный конституционный закон Российской Федерации «О судебной системе Российской Федерации» [9], ст. 27 которого предоставляет право субъектам Российской Федерации создавать конституционные (уставные) суды для рассмотрения вопросов соответствия законов субъекта Российской Федерации и иных нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта Российской Федерации конституции (уставу) субъекта Российской Федерации.

Во второй группе законодательных актов, несомненно, ведущее место принадлежит закону о региональной власти. Так, именно в ч. 1 ст. 19 данного закона установлены основания досрочного прекращения полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. При этом анализ соответствующих законодательных положений позволяет выделить традиционные процедуры прекращения полномочий, отличающиеся простотой в интерпретации и наличием аналогий в применении, – в случае смерти (п. «а»), отставки по собственному желанию (п. «в»), признания судом недееспособным или ограниченно дееспособным (п. «д»), признания судом безвестно отсутствующим или объявления умершим (п. «е»), вступления в отношении его в законную силу обвинительного приговора суда (п. «ж»), утраты гражданства Российской Федерации, приобретения гражданства иностранного государства либо получения права на постоянное проживание на территории иностранного государства (п. «и»), выезда за пределы Российской Федерации на постоянное место жительства (п. «з»). Помимо отмеченного, указанная статья содержит и самостоятельные формы конституционно-правовой ответственности высшего должностного лица субъекта: отрешение от должности Президентом Российской Федерации в связи с выражением недоверия законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации (п. «б»); отрешения от должности Президентом Российской Федерации в связи с утратой доверия последнего (п. «г»); отзыв избирателями (п. «л»). В частности, последняя из указанных форм выступает своеобразной «новеллой», ибо в оптимизированном варианте возвращает институт отзыва в связи с последними

изменениями модели наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта Федерации.

Уточним, что такое разделение оснований с содержательных и статусных позиций подтверждается и организационными отличиями в части определения субъекта принятия решения о досрочном прекращении полномочий высшего должностного лица субъекта Федерации. В частности, ч. 1.1 рассматриваемой статьи закрепляет, что указанное решение принимается законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации по представлению Президента России по большинству оснований. Исключение составляют положения п.п. «б», «в» и «г» ч. 1 ст. 19 закона, в соответствии с которыми решение о досрочном прекращении полномочий высшего должностного лица субъекта Федерации принимается Президентом России самостоятельно (ч. 1.2). Содержание данных норм подтверждает логичность такой позиции законодателя. С учетом вышеизложенного, обратимся к более детальному рассмотрению специфики конституционно-правовой ответственности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.

Следует согласиться, что с принятием закона о региональной власти были заложены основы формирования действенного механизма конституционно-правовой ответственности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации. Изменения, произошедшие в законодательстве в период с 2000 по 2012 гг. (переход от всенародного избрания к наделению полномочиями законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта по представлению Президента Российской Федерации и обратно), повлияли как на основания, так и на механизм указанной ответственности высших должностных лиц субъекта Федерации [10, с. 100]. В результате были оптимизированы и официально закреплены три основные (указанные выше) формы конституционно-правовой ответственности данного лица.

Как отмечает А.П. Жуков [11], конституционная модель организации государственной власти в Российской Федерации предполагает установление взвешенных механизмов взаимодействия, взаимного контроля и взаимной ответственности органов различных ветвей государственной власти на каждом ее территориальном уровне, включая региональный. Оценивая механизмы сдержек и противовесов в современной региональной системе разделения властей, необходимо учитывать, что выстраивание отношений органов государственной власти субъектов Российской Федерации с федеральными органами государственной власти в рамках «единой системы исполнительной власти» (ч. 2 ст. 77 Конституции Российской Федерации [12]) само по себе не может и не должно предопределять некую деформацию разделения властей на уровне субъектов Федерации. В частности, систематическое изменение порядка наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта не может квалифицироваться как одностороннее усиление исполнительной власти соответствующего территориального уровня, неподчинение региональных органов исполнительной власти парламентскому контролю. Подтверждается данный подход и закреплением на уровне федерального законодательства такой формы конституционно-правовой ответственности высшего должностного лица субъекта Федерации, как отрешение от должности Президентом Российской Федерации в связи с выражением недоверия законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

Уточним, что данный институт получил особую организационную детализацию в ст. 19 закона о региональной власти. Так, ч. 2 указанной статьи определяет исчерпывающий перечень оснований, по которым законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации вправе выразить недоверие его высшему должностному лицу. Это: издания им актов, противоречащих Конституции России, федеральному и региональному законодательству, если такие противоречия установлены соответствующим судом и не устранены высшим должностным лицом субъекта Федерации в течение месяца со дня вступления в силу судебного решения; установленное соответствующим судом иное грубое нарушение Конституции России, федерального и регионального

законодательства, повлекшее массовое нарушение прав и свобод граждан; ненадлежащее исполнение высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации своих обязанностей. В отношении первого из указанных оснований особо подчеркнем, что оно даже выступало предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. Как указано в его Постановлении [13], по смыслу рассматриваемых положений для применения такой меры воздействия, как отрешение от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, необходимо, чтобы признанный в судебном порядке неправомерным нормативный акт повлек указанные конституционно значимые тяжкие последствия – массовое нарушение прав и свобод граждан. Следовательно, эти положения не допускают применение данной меры воздействия в связи лишь с формальным противоречием нормативного акта высшего должностного лица либо высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации федеральному регулированию. Тем самым обеспечивается соразмерность федерального вмешательства негативным последствиям нормативных решений органов государственной власти субъекта Федерации. Законом установлен и порядок принятия решения о недоверии – квалифицированным большинством состава законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации (чч. 3-4 ст. 19). Особым процедурным элементом здесь выступает необходимость рассмотрения такого решения главой российского государства (ч. 5 ст. 19), а также то, что итоговое решение об отрешении от должности должностного лица субъекта Российской Федерации принимается Президентом России самостоятельно, и только на его основании первый может быть отправлен в отставку (ч. 6 ст. 19).

То есть, выражение региональным парламентом недоверия высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации не является безусловным, автоматически не влечет досрочного прекращения его полномочий, но выступает основанием для рассмотрения Президентом России, с которым региональный руководитель находится в отношениях субординации, вопроса об отрешении его от занимаемой должности. Предполагается, что Президент Российской Федерации и законодательные органы субъектов Федерации действуют по данному вопросу на основе согласования интересов и взаимного учета мнений. То есть глава государства не вправе действовать произвольно и при наличии обоснованной позиции законодательного органа субъекта Российской Федерации должен поддержать предлагаемое региональным парламентом решение; отказ же реализовать выраженное парламентом недоверие должен быть в этом случае мотивированным [14].

Между тем, как представляется, ключевым аспектом здесь должно выступать принципиальное внимание к юридической природе института выражения недоверия высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации, который был воспринят национальной юридической практикой в качестве важного элемента региональной системы сдержек и противовесов и одновременно – значимой формы парламентского контроля за исполнительной властью. Однако в юридической литературе он мало исследован и рассматривается либо в рамках общих вопросов, касающихся значения доверия и недоверия в праве, в том числе в конституционном праве, либо в свете специальных проблем федеративных отношений, юридической ответственности, разделения властей [15]. В итоге современная практика демонстрирует фактическую утрату рассматриваемым институтом самостоятельности и прямой юридической значимости, что подтверждается обязательной включенностью в процедуру его реализации главы российского государства.

По нашему мнению, интерпретация, в первую очередь, федеральным законодателем особенностей юридической природы института выражения недоверия высшему должностному лицу со стороны регионального парламента требует корректировки. В частности, вопрос о допустимости введения субъектами Федерации отрешения от должности главы исполнительной власти субъекта региональным парламентом как одной из форм конституционно-правовой ответственности уже был предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. В постановлении по «алтайскому делу» Конституционный Суд России установил, что нормы, допускающие досрочное освобождение от должности главы администрации

субъекта Федерации региональным парламентом, соответствуют Конституции Российской Федерации при условии, что такое освобождение производится на основании вступившего в силу судебного решения [16]. Следовательно, в целях соблюдения баланса в системе сдержек и противовесов государственной власти как на региональном уровне, так и в аспекте взаимодействия Федерации с субъектами, видится оптимальным самостоятельное законодательное оформление такой формы конституционно-правовой ответственности высшего должностного лица, как отрешение его от должности в связи с выражением недоверия законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

Далее уточним, что в настоящее время за Президентом Российской Федерации сохранена еще одна возможность единолично принимать решение о привлечении к конституционно-правовой ответственности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации – в связи с утратой его доверия. Здесь глава государства, по сути, наделен судебными полномочиями при решении этого вопроса, а ведь «только суд правомочен принимать подобные решения... наделение федеральным законом Президента Российской Федерации не свойственными его конституционному статусу квазисудебными полномочиями не согласуется с нормами Конституции» [17, с. 95].

Уточним, что для российского государства первый опыт, когда общество впервые заговорило о реальном существовании ответственности руководителей регионов за «результаты их деятельности», имел место в 2005 г.: указом главы государства был отрешен от должности губернатор Корякского автономного округа [18, с. 3]. Впоследствии утрата доверия высшим должностным лицом субъекта Федерации становится распространенным основанием ответственности, но недостаточно полно урегулированным в законодательстве. Примером является Указ Президента Российской Федерации «О досрочном прекращении полномочий мэра Москвы» [19], в котором, в отличие от предыдущего, называется только одно основание применяемой санкции – «утрата доверия Президента Российской Федерации». При этом в качестве одного из оснований такой спецификации самим главой государства называется то, что «основную ответственность за судьбу региона несет губернатор» [20].

Следует отметить, что процессуальные моменты принятия Президентом Российской Федерации указанного решения практически не урегулированы. Глава государства наделяется полной свободой в решении вопроса отрешения от должности руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации и не связан никакими правовыми ограничениями. С одной стороны, это позволяет существенно усилить ответственность данных субъектов перед Президентом России и придать гибкость его кадровой политике, но, с другой стороны, это неоправданно снижает гарантии и стабильность правового статуса высшего должностного лица субъекта Федерации [14]. Однако, как представляется, данное основание имеет не совсем правовой характер, а, напротив, ярко выраженную политическую окраску. В данной связи федеральному законодателю следует обратить особое внимание на перспективу установления и закрепления конституционно-правовых основ применения и порядка реализации указанной меры ответственности. Более того, в контексте определения новой (общей) модели наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации – непосредственного избрания населением – актуализирован вопрос о конституционности института отрешения его от должности в связи с утратой доверия Президента России. Представляется, данный вопрос должен выступить предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации.

В результате оптимизированного возврата к всенародному избранию высших должностных лиц субъектов Российской Федерации в современный период особую роль приобретает такая форма конституционно-правовой ответственности последних, как отзыв избирателями. Ее законодательной основой выступают положения п. «л» ч. 1 ст. 19 закона о региональной власти, устанавливающие базовые критерии применения соответствующей процедуры: во-первых, осуществление отзыва только избирателями, зарегистрированными на территории субъекта Российской Федерации, а во-вторых, обязательное законодательное закрепление данного института и порядка его реализации на региональном уровне, что еще раз уточняется в ч. 7.1 указанной

статьи. При этом федеральный законодатель в нормах той же статьи изначально достаточно подробно определяет и основания, и процедуру отзыва высшего должностного лица субъекта избирателями. Так, ч. 7.2 ст. 19 рассматриваемого акта устанавливает исчерпывающий перечень оснований такого отзыва: 1) подтвержденное судебным решением нарушение высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации федерального или регионального законодательства; 2) установленное судом неоднократное грубое без уважительных причин неисполнение своих обязанностей. Ч. 7.3 ст. 19 закона об общих принципах организации региональной власти определяет субъектов инициирования процедуры отзыва в судебном порядке, к которым отнесены: политические партии, их региональные отделения, иные общественные объединения, а также группа избирателей в количестве не менее 100 человек, проживающих на территории соответствующего субъекта Федерации и обладающих правом участвовать в выборах высшего должностного лица. В свою очередь ч. 7.4 той же статьи указывает на гарантированность возможности проведения агитации как за, так и против отзыва, всеобщее равное и прямое участие в тайном голосовании по такому отзыву, а также достаточно подробно регламентирует саму процедуру отзыва высшего должностного лица субъекта Федерации избирателями и его ограничения. Следует подчеркнуть, что в положении указанной статьи установлены не только гарантии инициирования отзыва высшего должностного лица субъекта Федерации, но и гарантии защиты последнего: возможность дать объяснения по поводу обстоятельств, выдвигаемых в качестве основания отзыва, а также использовать право на защиту чести и достоинства, иных гражданских прав и свобод в суде. В целом же можно отметить, что установленная сравнительно недавно федеральным законодателем такая форма конституционной ответственности высшего должностного лица субъекта, как отзыв, выступает логичным продолжением оптимизации порядка наделения его полномочиями и одновременно балансирующим механизмом организации государственной власти на региональном уровне.

Также уточним, что на уровне субъектов Российской Федерации вопросам конституционно-правовой ответственности высших должностных лиц также уделяется пристальное внимание, что подтверждается спецификой ее регулирования, определяемой в региональном законодательстве. В качестве примера обратимся к соответствующему опыту Белгородской области.

Так, Уставом Белгородской области [21] в ч. 2 ст. 10 закреплены все основания отрешения от должности ее высшего должностного лица – губернатора, которые предусмотрены федеральным законодательством. При этом региональным законодателем ряд соответствующих положений не продублирован, а изложен лаконично и синтезировано, что позволяет, как представляется, избежать в ряде случаев внесения изменений и дополнений в данный учредительный акт в случае оптимизации федерального законодательства. Более подробно вопросы конституционно-правовой ответственности, в том числе высшего должностного лица субъекта, урегулированы в специальном законодательстве Белгородской области.

В частности, особого внимания заслуживают нормы избирательного законодательства Белгородской области [22], посредством которых крайне оперативно были восприняты тенденции оптимизации федеральных законодательных актов в аспекте изменения порядка наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (в мае 2012 г. – изменения в федеральном законодательстве, в июне 2012 г. – в законодательстве Белгородской области). Непосредственным примером здесь можно обозначить детальное регулирование такой формы конституционно-правовой ответственности, как отзыв высшего должностного лица избирателями. Так, ст. 15 «Общие положения об отзыве депутатов и выборных должностных лиц» Избирательного кодекса Белгородской области в целом отражает положения федерального закона в исследуемом аспекте, что видится логичным, исходя из ее наименования. Однако уже здесь присутствует положение гарантирующего характера, дополняющее нормы закона об общих принципах организации региональной власти: «Право отзыва не может быть использовано для ограничения самостоятельности и инициативы депутата, выборного должностного лица, создания препятствий его законной деятельности» (ч. 2 ст. 15). Спецификой

избирательного законодательства Белгородской области в части установления процедуры отзыва губернатора избирателями выступает параллельное с установлением порядка наделения его полномочиями включение в Избирательный кодекс Белгородской области самостоятельной главы 14.1 «Отзыв губернатора Белгородской области», подробно регламентирующей осуществление соответствующей процедуры. При этом особого внимания заслуживает содержание гарантий отзываемого губернатора и инициативной группы по его отзыву, определяемых региональным законодателем: в дополнение к положениям федерального закона Избирательный кодекс Белгородской области устанавливает возможность назначения губернатором такого же количества доверенных лиц, как и при проведении выборов, а для инициативной группы по проведению отзыва – ее уполномоченных представителей, но не более числа доверенных лиц, назначенных губернатором. То есть, в указанной части положения избирательного законодательства носят ярко выраженный обеспечительный характер. В данной связи опыт Белгородской области можно признать показательным.

Резюмируя, отметим, что в настоящее время конституционно-правовую ответственность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации можно признать самостоятельным институтом конституционного права. Регулирование оснований и процедуры привлечения к конституционно-правовой ответственности высшего должностного лица субъекта Федерации осуществляет как федеральное, так и региональное законодательство. Особое место среди нормативных правовых актов, регламентирующих процедуру конституционно-правовой ответственности, занимают указы Президента Российской Федерации, на основании которых происходит досрочное прекращение полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. При этом такая ответственность обладает ярко выраженным политическим характером. Своеобразной новеллой российского законодательства в части регулирования конституционно-правовой ответственности высшего должностного лица субъекта Федерации следует признать институт отзыва последнего избирателями, «возрожденный» в силу изменения порядка наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта Федерации. Однако практику его применения на региональном уровне еще предстоит выработать в оптимизированных условиях современного государственного строительства.

Литература

1. Данная работа выполнена в рамках государственного задания; регистрационный номер 6.2962.2011.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (с посл. изм. от 5 апреля 2013 г.) // Российская газета. 1999. 19 октября // URL: www.consultant.ru
3. Федюнин С.С. Особенности нормативно-правового регулирования конституционной ответственности депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ и высших должностных лиц субъектов РФ // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 5.
4. Виноградов В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование. М.: Статут, 2000.
5. Кондрашев А.А. Конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации: теория и практика. М.: Юрист, 2006.
6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2001 г. № 65-О «По ходатайству полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе об официальном разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми,

Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан» // СЗ РФ. 2001. № 20. Ст. 2059.

7. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (с посл. изм. от 7 мая 2013 г.) // СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5712 // URL: www.consultant.ru

8. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (с посл. изм. от 5 апреля 2013 г.) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447 // URL: www.consultant.ru

9. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (с посл. изм. от 25 декабря 2012 г.) // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1 // URL: www.consultant.ru

10. Никифоров М.В. Субъекты административного нормотворчества. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2012.

11. Жуков А.П. Институт недоверия высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации (в условиях нового порядка наделения полномочиями) // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 14.

12. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2009. 21 января.

13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2002 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея» // Вестник КС РФ. 2002. № 5.

14. Комментарий к Федеральному закону от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» / Под ред. Н.И. Воробьева (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2011) // URL: www.consultant.ru

15. Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право. М., 2004; Басиев М.С. К вопросу о концепции конституционно-правовой ответственности // Право и политика. 2006. № 9.

16. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 1996 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края» // Вестник КС РФ. 1996. № 1.

17. Сучилин А.С. Конституционная (уставная) ответственность органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Государственно-правовые вопросы. М., 2003.

18. Усенко Ю.Н. Юридическая ответственность исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации в условиях административной реформы // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 8.

19. Указ Президента Российской Федерации от 28 сентября 2010 г. № 1183 «О досрочном прекращении полномочий Мэра Москвы» // Российская газета. 2010. 29 сентября.

20. Послание Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2010. 1 декабря.

21. Закон Белгородской области от 31 декабря 2003 г. № 108 «Устав Белгородской области» (принят Белгородской областной Думой 24 декабря 2003 г.) (с посл. изм. от 14 июня 2012 г.) // Белгородские известия. 2004. №№ 4-5 // URL: www.consultant.ru

22. Избирательный кодекс Белгородской области от 1 апреля 2005 г. № 182 (с посл. изм. от 14 июня 2012 г.) // Белгородские известия (специальный выпуск). 2005, 16 апреля // URL: www.consultant.ru